

ДЕТИ АТЛАНТИДЫ

Алекс Миш-ах

Код
Ярослава
Мудрого

Роман

Киев

УДК 821.161
М57

Серия «Дети Атлантиды»

Алекс Миш-ах

М57 Код Ярослава Мудрого : роман. – Киев : «Видавництво Ліра-К», 2023. – 334 с.
ISBN 978-617-520-531-0

Во исполнение древнего пророчества князь Ярослав Мудрый построил Софиевский собор, как тайное хранилище Ковчега Завета – который достался ему от Верующих Арабиньи, «пастушьих королей» древнего Египта. И по истечению двух веков жажда обладания этим артефактом привела монгольского хана Батый под стены Киева.

Здесь реальная история тесно переплетается с историей фантастической: трещат кольчуги, крошится сталь топоров, ухают катапульты. Здесь языческий молот Короля Солнца яростно схлестнулся с христианским крестом князя Владимира. Кажется, ничто не может остановить победоносного движения орды, но Батый не знает, что на его пути стоит Круг Двенадцати – маги-волхвы тайного киевского ордена. И на их стороне в бой вступают переяславские амазонки и Алексус с Юли-Аной – Странники миров, воплощенные ангелы эфирийных небес, которые пришли на зов печали...

УДК 821.161

ISBN 978-617-520-531-0

© Алекс Миш-ах, 2023

© «Видавництво Ліра-К», 2023

Глава 1

28 марта 1240 года

Не сбылись в тот год мрачные пророчества оракулов, предсказавшие дату Конца Света, а именно в последний понедельник марта месяца 1240 года, перед самой Пасхой...

Ну и что же? Прошел понедельник, потом вторник, затем среда – и ничего. Не наступило Искушение и Избавление, предвещающие приход очередного Мессии. Не был освобожден из своего заточения Сатана, и не вышел на свободу, дабы обольстить народы на четырех краях Земли. Мир не погиб и не сгорел, во всяком случае – не весь. Да, Сатана не вышел на свободу, но вместо него пришел на Киевскую Русь хан Батый, – под обличем Сатаны.

В мае того года добрался этот новоявленный Король Солнца до Переяслава, где нарвался на острые мечи княжеских дружинников и меткие стрелы переяславских amazонок. Последние крепко отделили ханскую орду, в пух и прах раздолбав два передовых монгольских тумена. Порой там было так страшно, что, извините, аж дупа съеживалась. После той бойни, правда, от Переяслава осталась куча пепла, а amazонкам пришлось отходить к Киеву. Ордынские тумены переместились к Чернигову, готовясь к предстоящему захвату Киева, где под Софиевским собором хранился Ковчег Завета, – их цель похода на Киевскую Русь. Страшное тогда наступило время, злое и скверное. Люди боролись и с собою, и со своей судьбою...

И как сказано было ранее, Конец Света в этот год не наступил. Хотя многое указывало на то, что наступит. Киев сжимался от страха перед монголо-китайской ордой, везде царила

атмосфера неуверенности и безысходности. Везде чувствовалось волнение и напряжение, пульс города был беспокойным и прерывистым. На Выдубичах, в пьяной драке, ближний убивал ближнего своего. За первой крепостной стеной, в пригородной слободе, сосед желал жену соседа своего, и был ему волк волком. На Подолии евреям то и дело устраивали какой-нибудь погромчик, с красным петушком в придачу. На Оболонии, на городском кладбище, скелеты отплясывали потешного гопака, а девушка с косой искоса приглядывала за всем этим, изредка вмешиваясь в этот гламурный процесс. Скверное наступило время, какое-то сильно злое и судьбопротивное. Принц дьяволов явно вмешивался в повседневные дела людей, кружил среди них, выискивая, кого бы сожрать на закуску. Но наш Создатель всегда добавляет в такие дерьмовые времена ложечку меда, чтобы хоть как-то подсластить горечь людского бытия. И поэтому чувственно и трогательно начиналась наша мистическая история...

День 28 марта этого года выдался необычно теплым, хотя и смурным. Лишь перед самым заходом солнца порывы северного ветра разорвали затянувшиеся облака, и жители Киева смогли полюбоваться обворожительным багряным закатом. Но как только первая звезда замигала в небе, стало так холодно, что горожане попрятались по домам, поближе к очагам с горящим торфом. И уже через несколько часов над спящим городом воцарилась ясная и прохладная ночь, пропитанная запахами первых весенних цветов и распускающихся каштанов.

Земля залилась тусклым лунным светом, а мерцающие звезды усеяли чистое небо, и подмигивали золотым куполам Софиевского собора на холме. На этих тринадцати куполах были помещены золотые кресты, вписанные в круги Создателя, называемые знаками «фете». Их было видно отовсюду, на многие километры вокруг. На другом краю холма, через площадь, стоит Михайловский собор, оку-

таннный тайнами и загадками своего мистического ордена, обитаемого в нем.

Под Михайловским собором, в глубоких подземельях, помещается огромный, с высоким потолком, таинственный зал. Освещающие его подсвечники и горящие в железных держателях факела вырывают из мрака фрески на голых стенах. На фресках запечатлены небесные религиозные сцены, фигуры ангелов и архангелов, Богов и Богинь. Все они смотрят своими лиловыми глазами на стоящий посреди зала огромный круглый стол, и сидящих за ним одиннадцать Хранителей в черных плащах, с капюшонами на головах. Это – Круг Двенадцати...

– Амэн, – глухо проговорил Ратибор, один из сидящих. – Мы здесь, Господи, собрались во имя твое. Приди к нам, и пребудь среди нас.

– Амэн, – в один голос громко повторили собравшиеся за столом Хранители. – Амэн! Амэн!

Глухое эхо их голосов пронеслось по подземелью, – как раскаты грома, как отзвуки далекой битвы, как грохот тарана о городские ворота. И медленно замерло в глубоких подземных коридорах.

– Хвала Джеховиху, нашему Создателю, – проговорил Ратибор, дождавшись тишины. – Близок день, когда в прах превратятся враги Его. Мы здесь, и горе им! Во все времена было так, кто-то уходит, кто-то приходит. Придут те времена, когда в Киеве появится Странник. Не спрашивайте Странника об имени его, ибо оно – тайна. Он расскажет всем правду...

– Амэн!

– Провидение, – Ратибор поднял голову, и глаза его загорелись отраженным светом огней, – посылает нам, братья мои, возможность поразить врагов Создателя нашего, и в очередной раз наказать ложных Богов. Предсказал царь Давид в псалмах, пророчил израильский пророк Илиях на горе Кармель, нагадала ведунья Ника Таврическая приход Миш-аха перед Рассветом Эры Космон. Когда увидите, что

брат желает смерти брату, что дети восстанут против родителей, жена бросает мужа, и один народ объявляет войну другому, и на земле голод творится, великие бедствия и многочисленные пожары, тогда узнаете, что пришло время! Тогда придет в Киев Странник, Миш-ах, – возрожденный принц атлантов-семитов, который даст этому миру Закон Единого Бога и Ковчег Космон. Послушайте меня...

Хранители в капюшонах склонились к Ратибору, слушая его. Боги с фресок смотрели на них, и казалось, что их лиловые глаза хитро улыбаются. Времена Эры Космон приближались, восемьсот лет для Богов – не время...

Словно огромная птица, на другой стороне Соборной площади, возвышается Софиевский собор, отгородившись от окружающего мира высокими стенами, состоящими из нескольких слоев камня. Эти стены сейчас темные и холодные, а земля возле них покрыта густой дымкой тумана, за которым ничего не видно. Этот туман скрывает под собой древнейшее пророчество, которое вот-вот должно свершиться. И окажись в это время поблизости какой-нибудь искатель приключений, то предстоящее событие послужило бы поводом для возникновения самых загадочных мифов и легенд из его рассказов.

В воздухе над собором появилось голубое свечение. Оно быстро разрасталось, становилось все ярче и ярче, принимая очертания сферы. На некоторое время эта сфера зависла над собором, а потом вдруг стремительно метнулась вниз, к земле. Потом также внезапно, как и появилась, она исчезла, оставив после себя два тела на земле. Теперь в центре полностью закрытого от посторонних глаз дворика, под укромной аркой, увитой виноградной лозой, лежало двое, – мужчина и женщина. Где-то негромко журчала вода. Откуда-то издалека донесся собачий лай. В унисон ему загавкала другая собака, уже поближе.

Лунные блики тускло играли на темных волосах лежащей девушки. Вдруг она резко подняла голову и начала растеряно оглядываться по сторонам.

– Алексус! – ее тихий голос прозвучал как бы издалека, где-то на границе восприятия.

– Алексус! – позвала она снова, но уже громче.

Я с трудом открыл глаза, услышав свое имя. Потом сделал глубокий вдох, наполнив легкие холодным воздухом. Замечательное чувство, но какое-то неестественное. В голову врезалась боль, от виска до виска, разрезая голову пополам. Резко закружилась голова, и я побоялся пошевелиться, чтобы не потерять сознание и не погрузиться в полный мрак. Потом я понял, что лежу на земле, уткнувшись носом в корень какого-то куста. Медленно отодвинулся от него, и приподнял немного голову. В глазах зарябило, и я опять положил голову на землю. Страдая от боли, я начал припоминать Всемирный потоп, который уничтожил Атлантиду, и все живое на земле. Потом вспомнил, как всех нас смыло огромной волной. Это было, как будто, пару часов назад. Захотелось заплакать от боли и унижения. Я скрипнул зубами и сплюнул песок, неведомым образом попавший в рот. Меня вдруг охватило странное чувство. Что-то привлекло мое внимание. Что?

Тишина. Над этим миром висело спокойствие. Воздух был свеж и прохладен. Я открыл глаза. Вверху было небо, все яркое от звезд. Я сморгнул и повернул голову. Справа... что же там справа? Дерево. Без листьев, но с белой россыпью бутонов, некоторые из которых уже успели распуститься. Ветерок, налетевший как раз с той стороны, донес их тонкий и нежный аромат. Мелочь как бы, но я немного прибодрился. Тело болело, но ребра были целы. Только вот кишки словно скрутило узлом.

– Алексус! – опять донеслось где-то совсем рядом.

Я протер глаза, провел по волосам. Тяжело вздохнул и приподнялся на локте. В глазах двоилось: передо мной было две женские фигуры, которые кто-то медленно раз-

водил по сторонам. Навел резкость. На корточках передо мной сидела девушка с растрепанными волосами, а ее карие глаза внимательно смотрели на меня. Рядом со мной лежал меч, с рукояткой из грубой кожи. Чей это меч? Так мой же меч, метеоритный. А девушка?

– Привет Юли-Ана. Мы на небесах?

Я потянул носом. Увядшая белая роза, приколотая к ее комбинезону Валиусом, принцем Атлантиды, почти утратила запах. И как она долетела сюда с Атлантиды? Да мы вообще, получается, вырвались из самого эпицентра Всемирного потопа, который накрыл всю Землю?

Я откинул голову и закрыл глаза, погружившись в свои мрачные мысли.

– Алексус, – раздался приглушенный голос Юли-Аны, – дорогой мой. Ты цел? Как чувствуешь себя?

– Я не твой, и не дорогой, – злобно ответил я. – И чувствую себя прекрасно, прямо восхитительно. Ты разве не видишь, фонтан света так и брызжет из моей задницы.

– Да вижу я, ослепла уже. И чего ты такой злой? Еще немного, и кидаться начнешь.

– И ты еще спрашиваешь? После всего того, что с нами там сделали. Когда вылезем из этого мира, я возьму отпуск. Бессрочный. И навсегда останусь на небесах, меня в этот мир уже никто не заманит.

– Как скажешь, – ответила Юли-Ана. – Но сейчас ты весь дрожишь, как барышня в постели. Ты боишься, командир?

Я улыбнулся и подумал: «Боже правый, эти женщины никогда не перестанут меня удивлять». Но вслух ответил:

– Нет, девочка, это призовой рысак дрожит в предвкушении еще одной длинной скачки. Обожаю нерешаемые проблемы и безнадежные дела. А где мой рюкзак?

– Возле тебя лежит, справа.

Я нащупал его. Красное мерцание появилось под рукой, что-то зазвенело. Я открыл рюкзак. Наружу вырвался нежный розовый свет, и коснулся моего лица. Этого было до-

статочно, чтобы освежить мою память. В рюкзаке лежали кристаллы-флэшки, которые излучали розовый свет. И пульсировали, словно тринадцать умиротворенных сердец.

Я взял в руку один из кристаллов, похожий на необработанный алмаз. Кристалл был твердый и прозрачный, как бы изнутри светящийся розоватым светом. Хотя, на самом деле он был бесцветный, как родниковая вода. И все же, там внутри было что-то замутненное, а поверхность камня не отражала окружающий мир. А еще я чувствовал, как внутри него пульсировала волшебная сила, и он очень быстро нагревался в руке. Я понял, что если хоть еще немного поглазею на него, то погружусь в трансовый сон, из которого могу и не вернуться. Хоть и замутненный, но он сиял как звезда. Я рискнул приблизить его к глазам, и уставился в ту точку, откуда исходило яркое свечение. Свечение начало разгораться, все сильнее и сильнее. Я быстро положил кристалл обратно в рюкзак.

Внезапно розовый цвет внутри рюкзака сменился алым. Я почувствовал, как кристаллы завибрировали, словно мощные двигатели. Потом вдруг вибрация стихла, цвет поблек. Я поднялся, завязал рюкзак и закинул его за спину. А Юли-Ане сказал:

– Ты посиди тут, а я разведу обстановку.

Я направился в сторону ворот, которые издалека казались громадной слитой аркой, неразличимой в темноте. Над этими воротами нависал тяжелый тимпан, удерживаемый по бокам двумя массивными подпорками, а посередине – резным пилястром, делившим их на два соседствующих прохода, в каждом из которых была установлена тяжелая дубовая дверь, окованная медью. По бокам от ворот стояли гладкие столпы, которые удерживали колокольню, нависающую над воротами. Справа на колокольню вела деревянная лестница.

Медленно поднявшись по этой шаткой лестнице, я очутился на верхней площадке и посмотрел на мир, прости-

рающийся внизу. Все вокруг было залито лунным светом, а внизу, сразу за воротами, на площади, горели факела. Непроницаемая тишина окутывала ночь. С колокольни был виден город, погруженный в сон, который казался сверху маленькой вселенной. Безмолвный и далекий город, но такой четкий и ясный. Я смотрел на улицы и темные сады, на дворцы и убогие хижины. Лунный свет заливал своим серебряным сиянием стены всех этих строений. Безмолвие и серебро... Мои нервы в этот момент были натянуты до предела. В следующий миг пол под ногами начал двигаться и пошел волнами, хотя ступни мои стояли на нем совершенно неподвижно. Воздух начал пульсировать и вспыхивать огнями, словно магические узоры в калейдоскопе.

Таких небес, какие в этот момент появились у меня над головой, я в жизни никогда не видел. В ночном небе заплясали звезды, в буквальном смысле этого слова. Они не мигали и не вспыхивали – они прыгали в стороны, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах. Звезды просто водили хороводы, и это был довольно таки пугающий спектакль, от которого у меня в животе свернулся тугой комком. Компьютерная симуляция, скорее всего, дала сбой. В подтверждение этому небо вдруг стало похоже на сосуд с цветным песком, который раз за разом встряхивали. Разноцветные полосы извивались и сплетались: пятна зеленого, желтого, красного, серого и белого то появлялись, то исчезали, порой превращаясь в странные фигурки. Это движение вызывало необъяснимое ощущение – отдаленности и близости одновременно. И еще оно вызывало головокружение и тошноту, охватывая мое сознание холодными щупальцами. Было похоже, что небесная мандала кружится надо мной, и ее ось проходит прямо через центр моей головы.

Я посмотрел вниз, на площадь перед собой, и мне показалось, что там взрываются яркие вспышки. Это как будто звезды падали на площадь, и сгорали там в полосах молочного тумана, как в черной дыре. Это было похоже на край

вселенной, на край жизни, на конец времен. Я потряс головой, чтобы прояснить мысли и разогнать туман. Но не тот туман, что внизу, а тот, что застилал мое сознание.

Мандала у меня над головой перестала вращаться, заняв противоположное положение. Интересно, но именно в этот миг у меня возникло острое желание избавиться от кристаллов-флэшек, которые были у меня в рюкзаке за спиной, и обжигали все тело. Они были той самой вещью, из-за которой погибла Великая Атлантида. Хотя, почему вдруг камни стали виноваты в человеческой глупости?

И тут я почувствовал прохладное прикосновение, как будто кто-то звал меня. Однако ощущение было неясное, туманное, и у меня не было времени и желания разобраться в этом. Я посмотрел на сверкающие сусальным золотом купола храма за спиной, потом на площадь впереди. Перевел обратно взгляд на купола, и посчитал их. Куполов было тринадцать, а площадь была Соборная. Да, я вспомнил, это было то самое место, где знамения и пророчества бродили по площади между двумя Соборами – Софиевским и Михайловским. Я вспомнил ту божественную картину из далекого будущего, то время, когда я из этого места телепортировался в Атлантиду. Да, я пришел обратно туда, откуда вышел. Я все время боялся вернуться в этот мир, потому что здешние пророчества обманчивы и запутаны, и от этого было легко потерять голову. И все же я вернулся сюда. Вернулся, потому что заключил сделку со временем, и возвращение в этот город было частью этой сделки. Где вход – там и выход.

Знакомые образы, звуки и запахи родного города пробудили множество воспоминаний, и с головой поглотили меня, увлекая в забытые времена. Но нужно было спускаться. Уже внизу я рассказал Юли-Ане об увиденном. Потом мы долго сидели молча. Юли-Ана смотрела куда-то в небеса, простирающиеся над нами. Лицо ее казалось совершенно бесстрастным. Еще в Атлантиде я научился уважать ее молчание.

Потом вдруг она резко повернулась и посмотрела мне в лицо.

– Я давно подозревала что-то подобное, – сказала она тихо. – Мне всегда казалось, что мы этот мир создали сами, сделав его основой нашего бытия. Что хотели – то и получили.

– Похоже, что так, – ответил я. – Мы воплотили чей-то коварный замысел, но вляпались в свое же дерьмо.

Юли-Ана посмотрела на меня серьезно, а потом пыхнула от смеха.

Я с улыбкой посмотрел на нее, но потом уже серьезно сказал:

– А ты знаешь, что в Атлантиду я попал именно с этого места. Только время было другое. Это тот город, где я уже строил свою жизнь.

– А что тогда было на этом месте? – спросила Юли-Ана.

– Этот же собор, эта же площадь перед ним. Только в соборе находилось Ожерелье Бога Ра Великой Атлантиды. Вернее, его копия... ну, почти копия... Короче, в соборе тогда находился Ковчег Космон...

– То, что было в Великой Пирамиде?

– Да, что-то похожее.

– Но как Ковчег Космон оказался здесь?

– Видишь рюкзак у моих ног. В нем находятся кристаллы-флэшки, которые передал мне Валиус перед потопом. Я их здесь спрячу. А через многие века принц Атлантиды придет сюда как Странник, и заберет их. Он восстановит Ковчег в этом месте.

Юли-Ана кивнула головой, хотя, как я понял, она ничего и не поняла. А я с трудом удержался, чтобы не сболтнуть лишнего. Я просто сократил и приукрасил свое повествование. Это время не казалось мне подходящим для пересказа своей будущей жизни, явно накладывающейся на жизнь Юли-Аны. Да я и сам запутался в этой проблеме, и со всем, что с ней было связано.